

Павел Майский

Известный русский советский поэт.

Павел Майский (*Мертвецов Павел Николаевич*) родился 9 мая 1937 года в поселке Центральный Рудник Кемеровской области в семье главного инженера рудника.

В 1961 году окончил Сибирский металлургический институт (*г.Новокузнецк*). Инженер-доменщик. Свою трудовую деятельность начал горновым доменного цеха на Кузнецком металлургическом комбинате.

С 1969 по 1981 год работал в «Сибгипромезе» главным инженером проекта Западно-Сибирского металлургического комбината.

В 1974 году окончил (заочно) Литинститут имени Горького (*г.Москва*).

Член Союза писателей СССР и России с 1981 года.

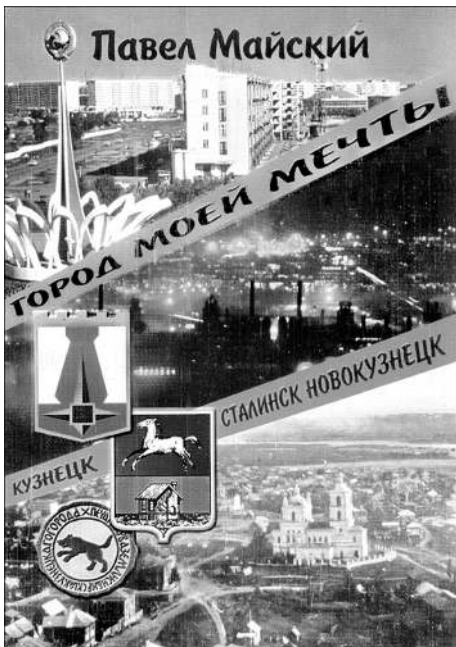
Начиная с шестидесятых годов прошлого века, стихи Павла Майского публиковались в столичных издательствах «Советский писатель», «Современный писатель», в Кемеровском областном книжном издательстве.

В 1981 году он первым из поэтов нашего города был принят в Союз писателей СССР по рекомендации знаменитых коллег-писателей, своих земляков Александра Волошина и Виктора Баянова. Стал Лауреатом премии «Молодость Кузбасса».

После приёма в Союз писателей СССР Павел Майский добровольно уходит со службы и с 1981 года занимается литературной работой. И если в металлургии он стал лауреатом премии Совета Министров СССР (1971 г.), то в литературе был избран в Совет по поэзии Союза писателей СССР.

В конце девяностых и начале XXI века творческое содружество с Василием Галактионовым, Александром Миролубовым, Валентином Павловым и Юрием Романовым вдохновило поэта на создание более десяти книг, изданных «Российским писателем», в которые он включил не только свои стихи, но и прозу, очерки, рассказы, эссе и воспоминания. Главная тема размышлений поэта – история и современность. Работа над новыми сборниками в этой публицистической серии продолжается и в настоящее время.

В 2014-2018 годах издательством «Советский писатель» предпринято объемное издание избранных сочинений Павла Майского в 4-х томах, охватывающее практически всю его многогранную деятельность и литературное творчество.

В канун 400-летия Новокузнецка в нашем альманахе была опубликована «Кузнецкая поэма» – единственное в столь непростом жанре произведение о нашем городе, вошедшее в литературную историю Кузбасса. Написал поэму Павел Майский ещё в то время, когда работал главным инженером в «Сибгипромезе». Впервые она напечатана в городской газете «Кузнецкий рабочий» в 1981 году, а значительно позднее автор внёс значительные дополнения, и в целом поэму увидели читатели всей страны в книге «Город моей мечты» о Кузнецке-Сталинске-Новокузнецке (издательство «Российский писатель», 2007 год).

История легендарного Новокузнецка, его героические традиции предстают в книге Павла Майского через судьбы и характеры земляков поэта, вместе с которыми он прожил с 1955 по 1988 год.

Надеемся, что не меньший интерес, чем опубликованная ранее «Кузнецкая поэма», у знатоков и любителей отечественной литературы вызовут и прозаические страницы из этой книги, где автор делится воспоминаниями о сравнительно недавнем прошлом из жизни нашего города.

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

БЫЛОЕ и ДУМЫ

Яковырял ногтем ножку грузного (*ещё наркоматовского*) стула, на котором одиноко примостился в конце длиннющего заседательного стола.

Начальник главка, за спиной которого через огромное окно виднелись крыши апартаментов ЦК КПСС, читал нашу пояснительную записку.

Дочитал. Отодвинул к электронным часам...

– Сколько вам лет?

– Тридцать один.

– Пора уже «тоннель» через два «н» писать... Или он у вас очень коротенький?

Задумался.

Скосился на нашу записку и докончил:

– Хотя... Магнитогорский ГИП куда старше вас, а в «галерею» два «л» вставляет. Она у него, наоборот видать, длинная...

Молчу.

...Перед глазами наш студенческий любимец – профессор Вознесенский Алексей Алексеевич. Читает он лекцию, мелом по доске черкает.

И вдруг – впереди сидящему:

– А ну, мил человек, скажи – как «больше» пишется? Уголком куда?

– Направо! – хором подсказываем мы.

А он через полчаса опять:

– А ну, мил человек, уголком куда «меньше» пишется?..

Но сейчас я молчу.

Минчермет – не институт. А начальник главка – не Алексей Алексеевич...

– И подо ЧТО вы лимиты получать будете? Под минздравовскую статистику? Да у них даже методики нет! А по статистике, в коксохимпроизводстве – одни долгожители...

Начальник придвигает к себе пояснительную записку.

– Под «семьсот девяносто второе»... Совминовское... По воздушному бассейну, – обречённо выкладываю свой последний козырь.

Зелёные цифирки на электронных часах замигали быстрее положенного.

– Интересно... И где же вы там природный газ нашли?

На сей раз я молчу панически. Ибо ответа, попросту, нет. А получаем мы мьяльджинский газ по газопроводу Парабель–Новокузнецк только на интенсификацию производства. Под чугун и сталь...

...У Бруно Ясенского есть один жалкий герой – мелкий банковский служащий. Его за-

брали на войну и выбили левый глаз. Потом забрали на вторую войну (*без левого глаза можно целиться*)... И он ни с того ни с сего заорал нечто такое антивоенно-коммунистическое, что его повели на расстрел.

«...И когда по полыхающей светом голой луговине к смертнику подошёл ксендз и, подсовывая распятие, осведомился о последнем желании, тот, цурясь от света, ответил совсем невпопад:

– Я всегда знал, что одним глазом от них не отделаться...»

Вот и меня тогда прорвало!

– Так, Николай Петрович! Вы же знаете, если эти 236 котлов на газ не переведём, все другие мероприятия – блеф! Убирать же нужно твёрдую частицу! Хохлы-то Днепропетровск и Харьков ТОЛЬКО ТАК очистили. А мы – колония какая-то...

Зелёные цифирки электронного кубика замигали ещё чаще. И я, в ожидании «расстрельного» приговора, опять ковырял ногтем ножку наркоматовского стула.

Но начальная союзного главка это тебе не трибунальская крыса. Ещё раз перелистал записку. Ещё раз отодвинул её к часам.

– Ты на какой улице живёшь?

– На Кирова. В десятом доме.

– А чего гидувовскую котельную пропустил? И Абагурской аглофабрики нету...

– Так, Николай Петрович, – бросаюсь я радостно к его столу. – Гипроруда не верит в это дело, а Минздрав и подавно!

В общем, «процесс пошёл»...

Я добросовестно записывал в ежедневник ЦУ. Морщил лоб. Ковырял стул. Вовремя возражал.

Зелёные лапшинки электронного кубика мигали уже в привычном ритме – 60 ударов в минуту.

Последние слова начальские – «готовьте основные положения» – разливались в душе моей симфонией торжества разума над лицемерием и бюрократизмом, когда я прибыл рейсом 210 «Москва – Новокузнецк» в наш прокуренный, увешанный гобеленами чертежей, графиков и схем, кабинет ГИПов Запсиба.

Ну, теперь конец придёт Дракону-смогу. Факт!

И явился мне к полуночи сон...

По всей кузнецкой котловине от Соколухи до Маяковой горы и притомских холмов вос-

ходят смерчи угольных дымов. К ним прилегают полтора десятка мартеновских «лиських хвостов» и всякая мелочь пузатая от аглофабрики, цемзавода и прочая... Скрутившись в одну «драконину», это исчадие отправляется по «лаптю» (розе ветров) на Запсиб. Там, раздувшись вдвоекратно, устремляется вверх по Томи к Старокузнецку.

И вот, набив до отвала пузо ядами алюминиевых, ферросплавных, химфармовских и сантехлитовских отбросов, Дракон о трёх головах нависает над нашими домами.

Он начинает через форточки и щели впрыскивать в нас канцерогены. Мы задыхаемся. Мы ищем удобную позу, чтобы забыться сном...

В общем, московский грипп перешёл в Новокузнецкий «хр-бр» (хронический бронхит). А «Основные положения» и стихи как раз лучше всего пишутся на амбулаторном режиме...

И через пару недель на всеобщем совещании единомышленников мы и порешили битву с Драконом-смогом начать у ТЭЦ КМК.

Вот уже который десяток лет тянем мы друг из дружки душу на предмет – кто развалил нашу державу? И почти столько же лет одна и та же мука новокузнецкая – кто угробил городской воздух?

Да мы сами развалили свою великую Державу!

И мы сами угробили свой городской воздух!..

Когда супостаты всех мастей у нас по кусочкам отрывали Прибалтику, Молдавию, Крым, Туркестан... и прочая, прочая... – мы чем занимались?

А мы ковырялись в садово-огородных назозных грядках. А мы обихаживали бытовое ассорти – кухню, ванную и сортир. Сливались в страстях с «богатыми», которые «тоже плачут». Глотали чернуху и порнуху в книготорговских шламонакопителях (*уж не по этой ли причине Гоголь писал А.С. Пушкину, что «книготорговцев надлежит вешать без суда и следствия»?*)...

Или чем же мы были заняты, когда истреблялся наш горношорский атмосферный бальзам?

А мы строительство очистных сооружений относили на потом, на вторую очередь, временно. Хотя прекрасно сознавали, что нет ничего постоянной временного решения!

А мы санзоны и гидропарки «видали в белых тапочках»!

А мы жильё многоэтажное – поближе к родной проходной...

Так, от Москвы до окраин, «загадочная русская душа» вершит свои дела «во имя» тогда-то хоть социализма, а теперь вообще не знаем чего...

Вот попробовали бы немцев с французами за Эльзас и лотарингию подёргать?!

Или у испанцев засохлую Сеуту оттяпать?!

Да даже Аргентина, как котёнок, вцепилась в нос английскому догу из-за островов аборигеновых...

А свалить наши ядерные отходы в натовских Зальцбургах-Лионах?

А растаскивать по Турциям-Америкам нефть из трубы в Тулоне с Ниццей?

Вы, европаяне, попробовали бы! А? Слабо?

Это только мы, «загадочные души», моём. И умом нас не понять... Это точно. Другим местом надо понимать...

И когда я, как Дон-Кихот, начитался вредных книг, вроде «Основ экологии» Юлия Одума (*большеформатный кирпич в 600 страниц*), где принципы толерантности и закон Одди доводят инженерное сердце до поэтического экстремизма, явился мне второй, главный, сон...

Огромный, застеклённый по периметру зал заседаний нашего нового запсибовского заводауправления. Только почему-то он на месте СУ-11, где основные рапорты по ходу строительства проходили... И высоко очень – весь завод просматривается. А город – от Сосновки до Бунгура – как макет. Однако небо и реки живые. Облака движутся. Перекаты чешуёй переливаются... Вот людей и автомобилей нет. Или не различаются отсюда...

В зале свет июньского лета. От того просторно и празднично.

Мы, проектировщики, отдельной стайкой в юго-западном углу. Отсюда – панорама от Абагура до Ильинки. Перед глазами всё, что отцы и деды наши за полвека настроили.

У противоположной стены, в торце стола, обставленного пустующими стульями, «военный совет запсибовского фронта»: сам «дед» Леонид Сергеевич Климасенко – директор

Записба; Иван Михайлович Звёздova. Он, придавив указательным пальцем ухо, застывает подле них, как в перовской картине «Охотники на привале» тот, третий... Оно и понятно. Ему потом разговорчики эти в протоколе объявятся отдельными пунктами. Тут не то что ухо прижмёшь. Тут на одной ноге, как цапля, застынешь...

Проектировщики, строители и заводчане – единое братство. Однако главные лавры за ударную работу достаются строителям. Стереотип «героя-строителя» и «проектировщика-вредителя» породила журналистская братия. Ясное дело: раз экскаватор задрал голову, как голодная черепаха, а рядом сплошной перекур с дремотой, значит «Промстройпроект» чего-то в чертежах напортачил! А то, что перекурщики не там копают и не так копают, в газетную строку не гоже. Комар-читатель крови жаждет! А она у вальяжного промстройпроектного представителя Толи Краснопеева куда вкуснее, нежели у строительного начальника Павла Варфоломеевича Молчанова, который враз пошлёт... куда и врачи редко заглядывают...

А вот уж сантехпроектный представитель Толя Батенков на неотступную критику давно... кирпич... положил.

У него один ответ:

– Давай чертежи! Будем разбираться.

И нет вопроса. Отстают. В его чертежах, кроме нас, никто не разберётся. А работу по ним производят те люди, которые без Толи (и его сметы) прожить не могут. Вот, обозлённые от сокрытия сути дела газетчики, в каждый свой лапоть про «Сантехпроект» лыко и влетают...

Единственный, кого в колонку «ошибки проекта» не засунешь, так это тяжпром-электропроектвец (*удобнее по слогам читать*) Коля Стуканов.

Он хитрую тактику избрал. Оперезать наволчился. Забежит ещё до рапорта в будку

Климасенко Леонид Сергеевич
(1909-1974)

Отдельно, у другого угла, ОКСовцы и строители. У них из озвучиваемых жестов и табачного дыма рождается ещё один замысел трудового подвига союзного значения. Это уж точно! Вон, даже невозмутимый начтехотдела Бобко, неумело сунул в рот сигарету из пачки своего зама Гетманского. А сметный начальник Челенко на подоконнике чего-то в папке бездонной выискивает...

Один только главный инженер ОКСа Петр Михайлович Семин глядит, не поймёшь куда, с привычной задумчивостью бывшего комбата артиллерии РГК в Великую Отечественную. Он уже давно вычислил, как и когда обрушивать приданную ему мощь – монтажников и пусконаладчиков, бетонщиков и шахтопроходчиков, сантехников и отделочников, электриков и связистов... И он только изредка переговаривается со своим начальником А.П. Фойгтом, пригибаясь к нему через отдельный стол, за которым они расположились, разглядывая синьку генплана.

Иногда к ним «подгребают» молодой ироничный Жора Чугурян,

Фойгт А.П. - зам.директора по капитальному строительству (1982 - 1974).

Чугурян Г.С. - начальник комплекса строительства доменного цеха ЗСМЗ (1969 г.)

к электромонтажникам и порешает наиболее волнующие вопросы. И – будь здоров, не кашляй... Так и проскочил, почти не пощипанный, по всем рапортам. Вот и сейчас сидит в сторонке. Внимательно-улыбчивый. И пальцы перед собой на столе сцепил...

Он и потом, в начале нового века, так и не «перестроился». Вместо частных шарашек, институт свой сохранил целостным. И портрет Ленина вовремя со стены не снял. Упёрся... как Лукашенко. Он ведь, Стуканов Николай Гаврилович, тоже белорус. А они, белорусы, и фашистов в Великую Отечественную в свой партизанский болотный край не шибко впустили.

И в девяностых либерал-националов выперли... И даже флаг советский с гербом не поменяли. Чего с них, «совков» упертых, возьмёшь?

Стуканов Николай Гаврилович
(1937 - 2007)

Вот и все участники того сна. Остаётся мы – ГИПы Запсиба... ГИП – это главный инженер проекта. Вот назови главного инженера завода ГИЗом, или главу администрации – ГАД, вконец разобидятся. А мы веками так именуемся. Как каперанг, старлей, чекист.

И совсем не замечаем игривости в поименовании этой весьма ответственной должности.

Старшим у нас Аркадий Григорьевич Шойфот. Он раньше всех был назначен Минчерметом. Поэтому в нашей троице его именуют «Ильёй Муромцем».

«Добрыня» у нас – Вениамин Карпов. Внешне он постоянно приближался к своему былинному прототипу. И если бы не «перестройка», большие подвиги ему выпадало вершить на благо металлургии нашей Державы!

«Алёшей Поповичем» был я. И очень мне служба моя по душе была. Таким богатырём помогал в битве за сталь. А она, сталь советская, первой в мире являлась по всем показателям.

...Сидим мы, значит, с Добрыней в своём югозападном углу и «Аркаше» внимаем.

А он при планках орденских, фронтовых и трудовых, со значком «Альпинист 1 ступени», последние ЦУ нам выдает:

– Вы, Вениамин Константинович, темплан срочно корректируйте...

– Вы, Павел Николаевич, с аглофабриками разберитесь...

И тут все утихают.

А Коля Стуканов свою тактику ещё в 1942 году на немецком ефрейторе опробовал. У Стукановых в домашнем хозяйстве за каждым членом семьи была живность закреплена. За четырёхлетним Колей – курица. И когда Ганс из Дюссельдорфа сгрёб несущку в углу плетня, Коля сцепился в нубелунговскую лажку: «Моя кура! Отдай!»... И Ганс отдал. Как отдал потом всю Белорусию.

Мы раньше тоже неуступчивыми были. Это когда из Белой Руси, по Березине да Припяти, в Днепр сплавливались на расселение. А потом по Днепру – до Волги. И так далее...

Это уже когда до Томи пробились, прыти-то у нас поубавилось. Как говаривал мой друг, комбат Великой Отечественной Глеб Холодебин:

«Лучше поговорки
Подберёшь едва ли:
Знать, крутые горки
Сивку укатали!..»

Слева направо: Мертвецов П.Н., Шойфот А.Г.
и Карпов В.К. (Фото 1979 г.)

Климасенко внаклон, «дедовской» походкой, к головному поперечному столу устремился. А сам на ходу оглядывает собравшихся.

Постоял у стола. Рубашка на все пуговицы застегнута. Седой. Пышноволосый. Глаза цепкие. Голос хрипловатый...

– Начнём, товарищи... Аркадий Григорьевич, давайте по перспективе...

Лето 2002 года... Аэробусом приземляетесь в аэропорту «Новокузнецк». Пробираетесь через толчею пассажирскую к маршрутному автобусу. Через полчаса вы на просторе привокзальной площади. Отсюда тремя потоками по проспектам Metallургов, Курако, Бардина растекается трудовой люд легендарного, дважды орденоносного детища Кузнецкстроя...

Не зря у его градостроительных истоков стоит «Ленгипрогор». Простор и монументальность, промышленная и парковая архитектура, транспортные и пешеходные потоки – всё грамотно сочетается, дополняя друг друга.

Но главное – НАД ГОРОДОМ ЧИСТОЕ НЕБО!

Потому как не подпирают чёрные угольные колонны Драконье брюхо, не питают его тысячетонную утробу «лисий хвосты» мартенюв. Не тянутся за ним ядовитые шлейфы аглофабрик, коксовых батарей, цемзавода...

СДОХ ДРАКОН! Как и следовало ожидать – через двадцать лет после того совещания по перспективе. Сдох потому, что красноярцы дают нам аскизовский агломерат. Алтайцы – кокс. В дружбе с иркутянами и уральцами украинские машиностроители помогли заменить мартеню на конверторы и электропечи. Белорусы пригнали большегрузные автомобили для перевозки сыпучих... А горьковчане закончили монтаж всеохватывающего межзаводского пневмотранспорта...

А главное – все котлы мурлычат от удовольствия, лениво посасывая горелками тюменский природный газ.

А заводы со всех сторон кучерявятся соновыми санзонами. А от Островской площадки вниз по Томи – гидропарки, лодочные станции, пляжи, пруды рыбоводческие...

А на местах исполинских «динозавров» (абагурских хвостохранилищ), где зайцы-мутанты в брошенных шламопроводах прятались, – зона отдыха. И пионерлагерь на берегу Кондомы. А в ней опять пескарей множество.

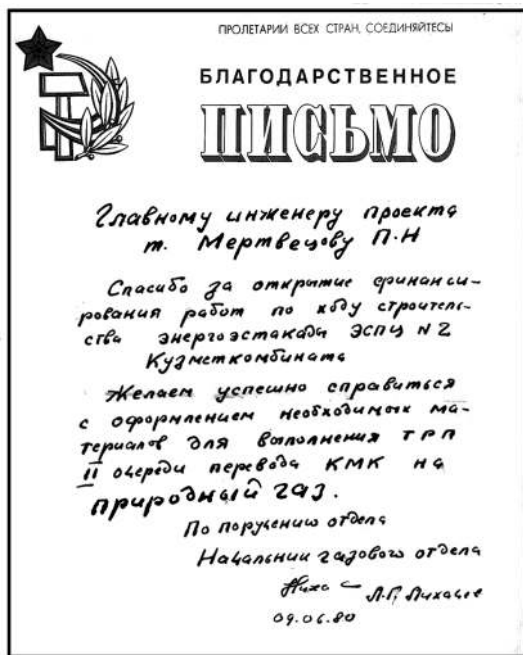
Мундыбашскую аглофабрику тоже закрыли. По берегам пятисотметровые охранные зоны восстановили. И радуется Кондома души кузнецкан необычайной переменой берегов своих – от суровости скал, взлохмаченных кедрочками, до изумрудных лугов с одиночными горделивыми ивами и уютными березняками...

Вот так был повержен Дракон огнедышащий на совещании у директора Запсиба Климасенко Л.С. с присутствием всех городских, областных и союзных начальств!

Правда, кабинет «Деда» был всего лишь двадцати восьми квадратов. Окна – на одну сторону. Мебель разномастная. Однако, всё остальное в том сне было реальным.

Имена героев и события невымышленные.

Город, с присущей ему хваткой, вступил тогда в битву за своё светлое будущее...

Однако жизнь распорядилась иначе.

Только казёмковцы быстренько сумели перевести свою ТЭЦ на газ. Герои этого – неуправляемый главный энергетик Глухих и неутомимый его помощник – Амфилофий Львович... Да и то не вышло по-человечески. Едва осела последняя сажа на Верхней колонии, и чёрный занавес за заводоуправлением сменился рисунками заводского быта, как из Москвы явился Протокол. Украшенный автографами учёных мужей, согласованный и утверждённый надлежащими инстанциями, он, Протокол, гласил, что перевод ТЭЦ КМК на природный газ невозможен... по причине дряхлости котлов Сименса! Слава богу, Амфилофий Львович, уже передел персонал из телогреек в халаты...

В общем, всё произошло, как в Китае. А там, по рассказам московских коллег, было так. Отправили мы китайцам проектное задание. На рассмотрение направили. И ждём замечаний, чтобы к рабочим чертежам приступить. И потом сметы, рабочие чертежи и спецификации одним махом для их строителей выдать... Целый год ждём замечаний. Не шлют!

Тогда мы: «Так-перетак... почему не шлёте замечания? У вас ведь сорвутся сроки строительства...» А они отвечают: «Какие замечания? Какие рабочие чертежи? Какие сметы и спецификации? Мы уже всё по вашим при- сланным чертежам построили. Спасибо!»...

Потому-то китайцы, видать, теперь и перемещаются на первое место в мире.

Не успели они к нашей европейской цивилизации приобщиться. Ничего, потом жалеть будут... Как мы когда-то. Когда великодержавным коммунизмом охвачены были. Когда каждый (*хоть не хочь*) свои 120 рублей-долларов в месяц у кассы пересчитывал. Когда на кухонных застольях, на радость стукачам, хором приобщались к демократическим ценностям:

«Живите много лет, товарищ Сталин!

И если даже помереть придётся мне,

Я верю, будет чугуна и стали

На душу населения вдвойне ...»

Ну что ж, тепереча, находясь на семьдесят каком-то месте в мире, по ООНовским тестам, мы будем знать, как бороться за свободу негров...

А в том Протоколе меня более всего что поразило? А то, что авторы-составители запретительной «московской грамоты» жили и трудились здесь же рядышком, и мы по сей день обмениваемся надлежащими любезностями при встрече...

А ещё позднее произошло уже непоправимое...

Наша инженерная мысль, по инициативе снизу и волеизъявлению сверху, была брошена на глобальное решение данного вопроса – на разработку ТЭО (технико-экономического обоснования) дальнейшего развития города Новокузнецка. Это значит – на процветание его промышленности и облагораживание соцкультбыта, куда должно входить и улучшение качества вдыхаемого воздуха... А вся «партизанщина» по данному вопросу заканчивалась. Ибо там (*в тридцати с гаком томах*) на солидном уровне решались все наболевшие вопросы, включая уюкошивание Дракона, именуемого Смог...

А вскорости подул «свежий ветер перемен». Он перерос в ураган «перестройки», который смёл все Госпланы, Госстрои, Госснабы, а, заодно, все чертежи и сметы вместе с конструкторами и деньгами...

В небоскрёбе Сибирского государственного института по проектированию металлургических заводов («Сибгипромезе») свили гнёздышки-офисы поборники демократических ценностей, понаставили перегородок и рекламных диковин торговцы движимого и недвижимого имущества. А в подвале – устроился «Мужской стриптиз». Это, видать, вместо гражданской обороны...

Год назад брёл я через набитую СО (*цэ-о*) набережную Абушки, и одна из голов драконовых плюнула в меня каплей начинающегося кислотного дождя: «У, Дон Кихот захуханый!...»

Тут-то и осенила меня мысль!

Она такая... У нас сейчас демократия. Никаких Госпланов, Генсхем, Пятилеток. Значит – никаких государственных лимитов. Тогда нам, кузнечанам, можно вот что провнуть.

Собираем ежемесячно с каждого жителя по сотне рублей («стольник» по-нынешнему). Берёт кто-то из нас эти общие 50 миллионов рублей (50 «лимонов» по-нынешнему). Едет он на Совет директоров («сходняк»), куда надо. И – змеем буду! – отстегнут за полста лимонов в месяц эту несчастную мыльджинскую струйку. Она ведь попутная – поди, на свечах сгорает... А диаметры газопроводов я лично, какие надо, закладывавал. Слово даю! Честное комсомольское. Записовское. В общем, пропустят они газ на все ТЭЦы и котельные....

А то Дракон вконец обнаглел!

Сидел я недавно в кабинете у друга своего Виктора Сидоровича Демьянова – бессменного начмеда онкологического диспансера. Подвижника сибирской хирургии... Беседовали на эту тему. Так даже у него рука богатырская притомилась головы драконьи рубить.

Вот и выходит, что спасенье задыхающихся – дело рук самих задыхающихся. И не более.

Ибо, пока «перестройка» закончится, пока «стабилизация» завершится, пока «экономический рост» до конца обозначится и деньгу нам на это дело выдадут, – у нас жабры прорежутся...

И да простят меня друзья-кузнечане за ёрничество, а, вернее, за этот смех сквозь слёзы.

Я верил, верю и буду верить всегда, что придёт время, и город наш явится таким, каким требует Мечта!

Ведь Мечта – от Надежды.

А Надежда – от Веры.

А Вера от Любви...

А Любовь и есть Бог!

А ОН в протянутую сыном руку, вместо хлеба, камень и, вместо рыбы, змею не положит...

Для этого просто надо быть достойными сынами. Мы такими будем!

Иначе для чего надо было жечь костры над Томью? Ставить острог? И четыре века кряду добывать уголь и ковать железо... со всеми вытекающими последствиями?!

П.Н. Мертвецов,

инженер-металлург,

лауреат Премии

Совета Министров СССР..